

АЛЬМАНАХ ЖУРНАЛА
ЕСЛИ Б Я БЫЛ ПИСАТЕЛЕМ...

О любви...

LITERATORIUM

Богдан Шумячин

О любви...

«Издательские решения»

Шумячин Б.

О любви... / Б. Шумячин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-834663-7

«Человек был одинок, пока однажды к нему не пришли ангел и демон и не принесли свои дары. Человек долго не мог выбрать, чьи же дары прекраснее. Тогда ангел и демон соединили их воедино, и человек тот дар нарек — Любовь». Именно об этом данная книга...

ISBN 978-5-44-834663-7

© Шумячин Б.
© Издательские решения

Содержание

Сергей Крутиков	7
Железная дорога	7
Богдан Шумячин	9
Евангелие от Марка	9
Олег Нагорнов	11
Осторожная Инес	11
Дарья Ратникова	13
Летняя сказка	13
Николай Куликов	16
Встреча	16
У озера	21
Ольга Райман	24
Бегунья	24
Александра Ильина	26
Пропасть	26
Кроссовки	27
Ольга Травушкина	30
Подарок на Новый год	30
Артём Боев	34
Догоняй	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

О любви...
Сергей Крутиков
Богдан Шумячин
Олег Нагорнов
Дарья Ратникова
Николай Куликов
Ольга Райман
Александра Ильина
Ольга Травушкина
Владислав Свещинский
Владимир Хабаров
Антон Ляпин
Вероника Фризоргер
Артём Боев
Александр Пилявский
Максим Долгов
Александр Горбов
Сергей Север
Кира Дмитриева
Антон Казаков
Зорян Сিনিшин

© Сергей Крутиков, 2016
© Богдан Шумячин, 2016
© Олег Нагорнов, 2016
© Дарья Ратникова, 2016
© Николай Куликов, 2016
© Ольга Райман, 2016
© Александра Ильина, 2016
© Ольга Травушкина, 2016
© Владислав Свещинский, 2016

- © Владимир Хабаров, 2016
- © Антон Ляпин, 2016
- © Вероника Фризоргер, 2016
- © Артём Боев, 2016
- © Александр Пилявский, 2016
- © Максим Долгов, 2016
- © Александр Горбов, 2016
- © Сергей Север, 2016
- © Кира Дмитриева, 2016
- © Антон Казаков, 2016
- © Зорян Синишин, 2016
- © Артём Королёв, дизайн обложки, 2016

Главный редактор Сергей Крутиков

Корректор Александра Ильина

ISBN 978-5-4483-4663-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Сергей Крутиков

Железная дорога

Ты подбегаешь к вагону, но неожиданно для себя останавливаешься у распахнутой настежь двери. Лесенка, ведущая в тёмное чрево пугающего тамбура, призывно выдвигается к ногам. В нерешительности окидываешь взглядом красавец-поезд, сверкающий девственной белизной на ярком и тёплом весеннем солнце. Отсюда не видно локомотива, только длинная вереница вагонов, уходящих вдаль по обеим сторонам от тебя.

Где-то вдалеке раздаётся настойчивый гудок. Уже пора. Ты закрываешь глаза и глубоко вдыхаешь сладкий медовый воздух. Этот запах прямиком из детства, из того самого дня, когда ты впервые увидел её. Открываешь глаза и понимаешь за кем ты только что бежал, кого пытался догнать и остановить. Ты бежал за Ней, но она, как всегда, оказалась быстрее. Улыбаешься. Теперь ты уверен и спокоен. Облако страха развеялось и для тебя вновь засияло чистое и такое бездонное голубое небо. Берёшься за прохладные поручни вагона и ставишь ногу на первую холодную ступеньку. Последний раз оглядываешься назад, подставляя тёплым лучам своё лицо. Яркое солнце нежно целует тебя на прощанье, и, улыбнувшись ему, ты печально вздыхаешь и быстро поднимаешься по ступенькам навстречу неизвестности.

Темнота.

Твои глаза ослеплены ею. Лёгкий ветерок обдувает лицо. Где-то позади скрипит закрывающаяся дверь. Лучи солнца, обнимавшие твои плечи, преломляются в толстом стекле и, коснувшись напоследок ног, соскальзывают на холодный железный пол. Теперь ты один. Совсем один в этой непроглядной и гнетущей темноте.

Состав трогается с места.

На мгновение теряешь равновесие и опираешься рукой о стену, такую же холодную, как и всё в этом тамбуре. Из темноты раздаётся задорный детский смех, Её смех. Она где-то совсем рядом, стоит лишь протянуть руку, и, возможно, ты коснёшься её. Делаешь шаг в темноту, продолжая опираться о холодную стену. Протягиваешь руку перед собой, пытаешься коснуться её плеча, такого родного для тебя плеча. Шаг. Ещё один. И ещё. Прямо как в тот весенний день, когда ты впервые играл с ней в жмурки...

– Не догонишь! – кричала она задорно и заливалась звонким детским смехом.

А ты всё шёл вперед, как и сейчас, выставив перед собой руки в надежде поймать её в объятья.

– Не поймаешь!

Ты оборачивался на голос, но она снова ускользала, и её голос раздавался уже с другой стороны.

– Не догонишь!

Ты вертелся на месте, как юла, но никак не мог поймать её, старался, но не мог, пока она сама не позволила тебе сделать это.

Её губы неожиданно коснулись твоей щеки.

Ты смущённо замер на месте и медленно стянул повязку с глаз. Твои щёки запылали огнём от неожиданного и такого нежного девчачьего поцелуя. Сердце бешено колотилось. Она была первой, кто тебя поцеловал, и Она была первой, кого ты полюбил...

Но вокруг опять темнота.

Лишь задорный смех, уходящий вдаль, и щека горит, как и в тот весенний день. Ты улыбаешься этим воспоминаниям, и сразу на душе становится тепло. Ещё один шаг. И ещё. Рука

соскальзывает со стены и касается двери. Останавливаешься, нащупываешь ручку, вдыхаешь прохладный воздух тамбура и медленно открываешь дверь.

Свет.

Какой же яркий свет... Но в нём не чувствуется гармонии и того тепла, что согревало тебя изнутри. Этот свет другой. Его лучи полны неизвестности.

Снова раздаётся Её смех, но теперь ты уже знаешь куда идти. Теперь ты уверен. Она ждёт тебя там, впереди, в новой жизни, как всегда.

– Я иду, – говоришь одними губами и делаешь шаг в неизвестность, шаг навстречу своей любви. – Я иду...

Наша жизнь – железная дорога. Один состав на всех, несущийся по извилистым рельсам судьбы. Шпалы отсчитывают время: секунды, часы, года. Каждая остановка для одних становится конечной, для других лишь началом долгого пути.

Шагнув из тамбура в вагон, человек, ослеплённый ярким и жёстким светом жизни, делает свой первый вдох в своём первом купе и начинает новую, полную неизвестности, но такую манящую и чарующую жизнь...

Богдан Шумячин

Евангелие от Марка

Они уже три месяца встречались в Третьяковке. По средам, в том же месте, в то же время. Ей 25, студентка педуниверситета, поэтесса. Жертва любви на шестом месяце. Ему тоже 25, плюс 40 лет жизненного опыта и тысячелетия неизлечимых душевных болезней. Писатель любовных романов, исследователь Любви в её земном проявлении.

Они познакомились в Третьяковке. Сидели спинами друг к другу – так лучше дышится интровертам. Он всматривался в сплетённые пальцы «Христа в пустыне». Она, всхлипывая, роняла слёзы на свои новые туфли. Её бросил жених – откупился обувью вместо генетического анализа. А старый писатель, следопыт Любви, уже и не надеялся разгадать тайну всех тайн.

Они встретились случайно не случайно в точке пересечения земного меридиана Любви с орбитой Любви галактической. На этом месте, благодаря кармической гравитации, оказалось творение великого передвижника. Оба были на распутье, опечаленные бессмысленностью жизни, и думали о самоубийстве. Слово за слово, разговорились, отвлеклись от смертной темы и условились встретиться. Так и повелось, по средам. Он в основном молчал, давая выговориться её неуёмной обиде.

Он был гениальным слушателем и очагом, в котором она сжигала омертвелые струны своей души. Струны не простые, выделанные из человеческой кожи в вековом чане с горячими слезами с привкусом крови. Собеседники не замечали разницу в возрасте, усугубленную разнополостью. Они не искали общую тему в массе межличностных противоречий. Её не удивляло его уныние на пике славы. Его не интриговал хронический пессимизм её молодости. Им незачем было встречаться. Так они и не встречались. Они приходили к сыну плотника, чтобы бросить лепту на строительство храма Любви. Бросить последнюю лепту – копилка была переполнена. И переполнена очень давно, со времён Сотворения Мира, а места для храма так и не нашлось на Земле.

Она, молодая, была стара, как мир женских иллюзий счастья. Он, поживший, был молод в бесконечном откате назад к месту старта в погоне за Любовью. И они «терли спину друг другу», ища доказательств правильности своего решения расстаться с жизнью. Они даже словом не обмолвились о своём намерении, но, идя на встречу, убеждали себя, что на этот раз всё будет кончено.

Долгие беседы пролетали, как пять минут и каждый раз их «до встречи» не гарантировало смертельного исхода. По средам их ждал сын Иосифа из Назарета и их собеседования до закрытия музейных дверей не предвещали открытие райских.

Писатель посвятил Любви всю жизнь. Он вскрывал Её загадку научным скальпелем. Среди мяса и костей нашёл дух и эфирные тела души. В божьем подобии хранилище для Любви самой Любви не оказалось. Тогда он свернул в бараний рог кундалини и вместе со всеми чакрами, даньтянем и третьим глазом выбросил из головы весь этот словопаразитарный мусор. Выбросил через шанк-пракшалану. Он искал в пробирках Её формулу. И когда Она почти была в руках, заваливал её тоннами книг по философии и эзотерике, но Она неизменно ускользала. Религия тоже не давала ответов и путано уводила в мир опиумных галлюцинаций.

Он засыпал над древними текстами, в то время пока его высшее Я расшифровывало давно забытые знаки. Он летал за пчелой к липовому цветку, чтобы усложнить себе задачу в астральных перевоплощениях. Он преломлял «плоть» Бога и макал в вино, шагая по пролитой не земляками, а землянами, крови, из которой росли любовные стихи. Он набивал рот

пересоленным караваем и пел гимн свободы, забрасывая бумерангами любовные вопросы. Любовь была повсюду, и он целовал Её следы, но увидеть Её не удавалось.

Иногда ему казалось, что в сети озарения попалась Любовь. Но чуть разжав ладони, в силке находил в лучшем случае Любу из соседнего подъезда, а, как правило, кукиш, вылепленный сообща мудрецами Земли обетованной.

Он был женат четыре раза, шесть детей, есть внуки. Сад посадил. Всех жен снабдил «шалашом» и себя не обделил. Казалось бы, всё есть: достаток, слава, удовлетворение творческих амбиций. Но не было в последней части ощущения законченности эпилога. Четыре любимых женщины не раскрыли ему тайну Любви. Шесть раз счастье рождало ему дитя Любви. В облике младенца неразборчиво читался Её образ. Но взрослея, ребенок уже не отражал лучей Её многоликой мудрости.

Говорят, что внуков любят больше, чем детей. Во внуках писателя святая святых Истина проявилась с утроенной силой. Уже ощущалось сердцебиение Её объятий и даже на миг почувдилось Её прикосновение, после которого писателя снова отбросило назад к его исследовательской антологии.

Он попытался снова, но все напрасно. Молитвенные погружения в сознание эгрегора планеты не увенчались успехом. Случайные женщины уводили от таинства еще дальше. Маэстро дирижер, знаток женской души больше не мог воспроизводить женскую симфонию. Его ухо не слышало тонких звуков. Женские ноты не резонировали в его анализаторах.

Сегодня среда, а её все не было. Может, больше и не придёт. Ей вот-вот рожать. Может быть, уже в роддоме. Если не придёт, то и тебе, старому дураку, здесь делать нечего – отпели соловьи, замолкли все фанфары.

Уже зрители, до этого сонные, оживились – скоро закрытие музея. Носы знатоков уже пресытились залакированными запахами дней минувших и эпох. От картин повеяло сонливостью, и народ на полотнах тоже дремал. Царство живописи готовилось ко сну. А завтра ночную пыль с шедевров снова вынюхает очумелый восторг любителей.

Её всё не было. И вдруг, как биение кисти по свежему холсту, послышались шаги. Эхо знакомых каблучков отозвалось в давно остановившихся сердцах бесчисленных судеб, пытаюсь воскресить прошедшие сюжеты давно забытых дней.

Пришла-таки. С ребенком... Сын плотника воткнул топор в порог построенного храма и вытер пот со лба. А если бы не пришла, так и скитался бы этот рассказ среди звездных туманностей до Второго пришествия.

– Мальчик, – сказала она, как подобает женщине.

– Назовём его Марком, – ответил он, как подобает мужчине.

Олег Нагорнов

Осторожная Инес

На пути в Кордову обязательно сверните с пыльной дороги к маленькой деревне у прозрачной быстрой речки. Отпустите коня, отдохните в тени виноградника. Эта земля знает множество сказок, и, быть может, она расскажет вам историю об осторожной девушке по имени Инес.

«Жила на свете одна скромная семья: отец Хуан, мама Анна и дочка Инес. Отец много лет назад вернулся из Америки без тяжёлого кошелька, но с лёгким сердцем. Мать девочки была весёлой, красивой и доброй женщиной. Семью уважали и любили соседи, а маленький виноградник, благодаря стараниям и заботе, приносил достаточно денег. Инес росла забавной и смешливой девочкой, но с самого раннего детства родители заметили в ней одну странность – очень уж она была осторожна.

– Не знаю, что с ней делать! – иногда в сердцах всплескивала руками Анна. – Ну, такая осторожная! Все ребята бегают – наша – степенно вышагивает, точно идальго! Ручеёк, где воды-то по щиколотку надо перейти, – Инес юбку выше головы задирает, только бы подол не замочить!

Родители удивлялись, но девочку не ругали. Ведь осторожность – не грех.

Годы шли, Инес росла, а вместе с ней росла и её осторожность.

– И на молоке не обжигалась, а на воду всё равно дует! – смеялся Хуан.

Но скоро родителям стало не до смеха: Инес так расцвела, что женихи не то, что со всей округи – из самой Кордовы вереницей потянулись! Девушка вроде бы и радовалась, встречала юношей приветливо, за стол усаживала, вина наливала. Но тут-то её осторожность и подводила. Как начинала Инес свои расспросы – так женихи и убегали. Мать только удивлялась да хмурилась.

– Ну что это за допросы такие, дочка? Ты же не инквизитор, чтобы душу человека наизнанку выворачивать? Какое твое дело, бил ли отец этого мальчика свою жену?

– А если бил, вдруг он, на отца насмотревшись, меня бить будет? – возражала Инес. – Я такого не хочу!

– Хочу, не хочу... Так ты до седины в девках просидишь!

– Значит, судьба такая, – улыбалась Инес, – но лишь бы за кого не выйду!

«А в церковь ты часто ходишь? А вина много пьёшь? Родители ладно между собой живут? А матушка твоя добрая?» – так и звенел её серебряный голосок. Женихи краснели, запинаясь, путались и сбегали. Но девушка не уступала ни вздохам матери, ни взглядам отца.

– Дочка, – не выдержал как-то Хуан, – ты бы спросила, много ли у него земли или золота, а то всякую ерунду выпытываешь!

– Так разве по богатству человека узнаёшь? – удивилась Инес. – Ну, выйду я за богатого, а если он плохим окажется?

– Как знаешь, – вздохнул отец, – но, чувствую, с твоей осторожностью внуков мы не дождёмся! Всех распугала!

Прав оказался Хуан. Все сроки прошли, а Инес всё выбирает. Родителей похоронила, рано они землю покинули, так дочку замуж и не выдав. Стала она хозяйкой домика и виноградника, скучать не приходилось, работы хватало. Да и женихи, хоть и не толпами, как прежде, а всё же наведывались. Не брали Инес годы, только красивее становилась и... ещё осторожнее! Увидела её как-то старуха Амалия да и сказала:

– Видать, только смерть нашу Инес и засватает!

Нехорошая она была женщина – язык точно жало. Вот Смерть её и услышала.

– А что, – рассмеялась, – пойду, посватаюсь! Если согласится – заберу к себе. Все равно небо зря коптит: родители ушли, ни мужа у неё, ни детей. Чего одной по свету бродить?

Обернулась Смерть настоящим кабальеро, села на черного жеребца и понеслась в деревню. Нашла нужный дом, постучалась. Инес сначала обомлела: таких женихов у неё ещё не было! Усы, камзол чёрный серебром расшитый, конь, каких она и не видела, шпага до пола! Усадила всё-таки гостя за стол, поставила кувшин с вином, а сама переоделась в самое красивое платье. А Смерть сидит и удивляется: как эта-то в девушках задержалась?! Красавица, умница, гостей принимать умеет, в домике чисто. Даже пожалела её немножко, но от своего не отступилась.

– Выходи за меня замуж, красавица! Всё у тебя будет, что пожелаешь!

– Почему бы не выйти? – улыбается та в ответ. – Вот только, сеньор, ровня ли я вам?

– Для меня все равны, – успокоила Смерть.

– А хорошо ли мне у вас будет?

– Да никто пока не жаловался!

– А далеко ли живёте?

– Вроде бы и далеко, а на самом деле близко.

– А большой ли у вас дом?

– Столько людей помещается – не сосчитать! – отвечает Смерть, а сама думает: «Вот ведь любопытная! До смерти заговорит!».

– А добрый ли вы?

– Кто зовёт – тому добрый, а кто гонит – тому злой.

А Инес не унимается, только вина подливает гостю.

– Детишек любите?

– Не люблю, – нахмурилась захмелевшая Смерть. – Плохо это, когда детишки!

– Так скучно же будет?

– Не бойся, не соскучишься!

– А в церковь часто ходите?

– Слушай, красавица! – рассердилась Смерть, даже кулаком по столухватила. – Ты чего мне голову морочишь? Отвечай прямо: пойдешь за меня или нет?!

– Да почему бы и не пойти, вот только спросить ещё хочу, добра ли ваша матушка?

– Нет у меня матушки! – закричала Смерть. – Никого у меня нет! И ты, любопытная, сто лет не нужна!

Спихватилась, прикусила язык, а поздно. Слово-то сказано – не вернёшь. Сама на сто лет отсрочку Инес дала, и винить некого. Успокоилась Смерть, улыбнулась даже.

– Ох и осторожная ты, Инес! Не возьму я тебя.

– Как сеньору угодно, – скромно ответила та и глаза потупила.

Вскочила Смерть на своего коня, махнула рукой на прощание.

– Не тяни с замужеством, красавица! До встречи.

Тут и соседки налетели с расспросами.

– Ты что, и этого отпугнула? Да он же весь в серебре, настоящий идальго! Долго ты выбирать ещё будешь?!

– Осторожность – не грех! – ответила Инес.

Дарья Ратникова

Летняя сказка

– Мэй, расскажи нам сказку.

– Ну, пожалуйста, милая Мэй, расскажи!

Брат и сестра – дети короля с нетерпением смотрели на королевскую сказочницу Мэй. Был знойный летний полдень, солнце пекло просто невыносимо, и жизнь в эти часы почти замирала. Все старались укрыться куда-нибудь от жары. Вот и Мэй с детьми сидела в мраморной беседке, на краю пруда в тени огромных ивовых деревьев. Ивы, склонившиеся над водой, создавали приятный полумрак и в беседке было прохладно.

– Что же вам рассказать? – спросила задумчиво Мэй.

– Расскажи нам ту историю.

– Ту самую, которую ты нам ещё никогда не рассказывала.

– Да, ты говорила, что когда все сказки закончатся, ты расскажешь нам её.

– Но мы не можем ждать! – это был нетерпеливый голос Карла. Он был старше своей сестры – принцессы Иллы на целых два года и ему вот-вот должно было исполниться восемь лет.

– Вы хотите услышать ту самую сказку? – как колокольчик зазвенел голос Мэй.

– Да! – в один голос ответили дети.

– Тогда слушайте, – Мэй улыбнулась, но в глазах затаилась печаль. – В некотором царстве, в некотором государстве жила-была принцесса. Принцесса была непростая, а капризная. Всё ей было не так, всё не эдак. Наконец, пришло время выходить замуж. Король-отец уже сосватал ей знатного жениха, и не беда, что жених – старик, зато богат, да и Королевство у него немаленькое. Но тут, как на беду, полюбила принцесса простого башмачника, а он – её. Король, как водится, и слышать ничего не хотел, но принцесса была упряма, и решила обвенчаться с башмачником тайком от отца-короля. Вроде бы и в этом не было ничего необычного – сколько принцесс тайком выходило замуж за своих любимых. Но эта принцесса, я повторю, была очень капризна и своенравна и потому жених-башмачник сказал ей, что ежели она хочет всю жизнь прожить с ним, то должна дать ему обещание никогда не попрекать его бедностью и не жалеть о сделанном шаге. Принцесса, конечно же, дала обещание. Она, хотя и была вредной и капризной, но любила своего башмачника. Король-отец, разозлившись, лишил принцессу наследства и запретил ей показываться ему на глаза. И началась у принцессы нелёгкая жизнь. Хоть муж её и любил, а всё же и нужду она узнала и лишения. И тут, потихоньку, начала принцесса скупать по дворцовым покоям, по роскошным пирам и парчовым нарядам, по драгоценностям и алмазам. А там уже и жалость пробралась в её глупую головку – зачем же она вышла замуж за башмачника. За сожалениями незаметно подкрались и сетования. И, вот, в один ужасный день, принцесса сказала вернувшемуся домой мужу, что лучше бы она вышла замуж за богатого старика и всю жизнь жила бы в покое и довольстве, чем терпеть нужду в этом нищем доме, – Мэй внезапно замолчала и смахнула с глаз непрошеную слезу.

– А что было дальше? – перебивая друг друга закричали дети.

– Вы хотите знать продолжение?

– Да, конечно!

– Нам очень интересно, правда, Карл?

– Что ж, тогда слушайте дальше. Супруг принцессы ничего не ответил на её обвинения, только из глаз его скатились две слезы. Потом, вздохнув, он пошёл латать башмаки. В тот день у него было много заказов. А сама принцесса, наплакавшись, выбежала из дома. Был

жаркий летний день, такой же, как сейчас. Пыль городских улиц, шум повозок оглушили её. Она забрела в какую-то тёмную лавочку и села оплакивать своё потерянное счастье. Внезапно, на плечо ей легла рука и хриплый женский голос сказал: «Постой принцесса, думаешь, можно безнаказанно нарушать свои обещания? Один раз твой отец нарушил обещание, данное мне, а теперь ты, нарушив обещание, данное своему супругу, дала мне власть над собой. И теперь-то я уже тебя не отпущу!» – сказав так, женщина расхохоталась, а принцесса, в ужасе бросилась к двери, но женщина преградила ей путь. Она была так черна и страшна, что принцесса догадалась – перед ней – ведьма, но было уже поздно. А страшная ведьма продолжила: «Теперь я отомщу твоему отцу за нарушенное обещание. Когда-то давно он обещал отдать тебя мне за то, что я отсрочу на год смерть твоей матери. Но он не сдержал своё обещание, а ты – своё. И за это ты не увидишь своего мужа, а он не найдёт тебя. Ты будешь ходить, рассказывать всем свою историю, а люди будут смеяться над тобой и прогонять тебя. Когда найдётся человек, который захочет тебе помочь и дослушает твою историю до конца – ты будешь приближаться к своему мужу, и чем больше людей будут тебе помогать, тем быстрее ты его найдёшь. Но люди нынче не те и вы успеете состариться раньше, чем встретитесь!». И ведьма снова злобно расхохоталась. Испуганная принцесса выбежала из лавки и поспешила домой, надеясь, что всё, сказанное ведьмой, окажется ложью, а милый башмачник встретит её и простит. Но дом был пуст. Напрасно принцесса искала и звала – никто не откликнулся на её зов. – Мэй замолчала и опустила голову на руки. Распущенные волосы закрывали лицо, но дети увидели, что она плачет. Первой догадалась Илла:

– Мэй, эта принцесса – ты!

Мэй не ответила. Подняв голову и откинув волосы со лба, она попыталась улыбнуться.

– Дети, я сегодня очень устала.

– Нет, Мэй, ты меня не обманешь! Ты и есть та принцесса! И мы тоже хотим помочь, – это сказал Карл.

– Как вы мне поможете? – устало спросила Мэй. Она уже не верила ни в какую помощь. Сколько лет назад случилась эта история, которая теперь и ей казалась сказкой? Сколько исходила она дорог?

– Мы слышали от своей няни давным-давно, – начал Карл

– Я тогда ещё была совсем маленькой, – вставила Илла.

– В наш город несколько лет назад пришёл человек. Он был совсем грязный и как будто бездомный. При нём не было ничего, кроме мешка за плечами. Он останавливался на площадях и всем говорил, что он – башмачник и ищет свою жену – принцессу. Никто ему не поверил, но и смеяться не стал. А поселился он в хижине, на самом краю города, возле реки. Так нам говорила няня, давным-давно.

В глазах у Мэй потемнело, дыхание перехватило от радостного ожидания – неужели она наконец-то найдёт того, кого так давно и напрасно искала? Когда она пролила столько слёз и столько раз корила себя – глупую и избалованную принцессу – за те слова, что лишили её счастья. И когда столько раз на грани отчаяния, ей помогали и спасали, и снова указывали путь. Ведьма была неправа – добрых людей а свете больше, чем злых.

– Спасибо, Карл, спасибо, Илла! – попрощалась она с детьми.

– Мэй, ты вернёшься?

– Не знаю!

И она быстро побежала прочь из беседки, прочь из королевского сада по маленькой тропинке, туда, ближе к окраине, где текла извилистая, мелкая речка, журча и переливаясь на солнце. Жара не пугала Мэй. Она перенесла и град, и ливень, и мороз, и жажду. Она рвалась, как птичка, наконец, вылететь из клетки. И какое ей было теперь дело до короля и до того, что люди с изумлением оборачиваются на королевскую сказочницу, так непонятно куда-то спеша-

щю. Волосы Мэй растрепались, щёки покраснелись, королевское платье – золотое по синему подолу – цеплялось за кусты. Встретить, найти, умолять простить!

Вот и одинокая хижина у реки. Благословенная прохлада! Мэй распахнула дверь и оказалась снова в таком известном мире. Запах кожи и старые инструменты, башмаки, выстроившиеся в ряд, будили сладкие, сказочные воспоминания. И, неожиданно для себя, Мэй разрыдалась. Она не слышала шагов, не видела, как из соседней комнаты вышел высокий, стройный мужчина. Она очнулась, лишь услышав голос, такой родной:

– Мэй! Я так долго ждал тебя!

Николай Куликов

Встреча

Впереди, на небосклоне, затянутом мрачными тучами, изредка сверкающими молниями, проступили контуры «высоток» городских кварталов. «Вот-вот вольёт. И не как-нибудь, а повзрослому, без дураков. Успеть бы добежать до трамвая», – подумал Андрей, наблюдая из окна автобуса, как быстро пустеют улочки пригорода.

Но вот, наконец, и автовокзал. И дождик ещё не успел подобраться, и трамвайчик полупустой. Отдыхает себе на конечной остановке, терпеливо собирая запоздавших пассажиров-одиночек.

Ливень накатил стремительно. Настоящий августовский, с внезапными всполохами молний и громовыми раскатами, от которых захватывало сердце. Рассекая дождевые струи, трамвай подкатил к очередному остановочному павильону. Двери распахнулись, впуская вместе с новыми пассажирами дождевую уличную свежесть.

– Вы позволите?

– Конечно, конечно, – мельком взглянув на вошедшую молодую женщину, ответил Андрей, убирая с соседнего сиденья свой разъездной баульчик.

Трамвай тронулся. Внимание Андрея, рассеянно наблюдавшего в окошко за автомобилями, рассекавшими колёсами мгновенно возникшее уличное половодье, привлёк тонкий аромат парфюмерного флёра, исходивший от расположившейся рядом соседки. Внезапная вспышка молнии выхватила из трамвайного полумрака её расширившиеся от страха глаза. Последовавший спустя секунду сухой, будто треск разрываемого у самого уха полотна, раскат грома, бросил соседку к Андрею, в страхе она приникла лицом к его плечу.

– Как страшно... – прошептала женщина... – Простите ради Бога, – извинилась она спустя мгновение, мягко отстраняясь.

Что-то знакомое, полузабытое было во всё этом. «Странно... Где я её мог видеть?» – мучительно вспоминал Андрей, искоса всматриваясь в профиль женщины. «И этот голос, эта боязнь грозы...».

– Люда? – неожиданно для самого себя, будто прозрев, спросил он вдруг соседку.

– Узнали, Андрей... Дмитриевич, – запнувшись на отчестве, ответила та.

Память, будто услужливая сказочная фея, развернула вдруг перед мужчиной картины дембеля и его первого года на «гражданке»: пирушки с друзьями, мимолётные встречи-расставания с бесчисленными подружками; ощущение простора и неограниченной свободы после двухлетней армейской жизни по расписанию. И мотоцикл. Красавица «Ява», купленная на первые же заработанные деньги.

А по соседству, на одной с ним лестничной площадке – шестиклассница. Длинноногая, с угловатой, ещё не сложившейся фигуркой, бросавшая восхищённые взгляды на ставшего таким взрослым Андрея.

Для него же, уже познавшего взрослую мужскую жизнь, Людочка продолжала оставаться лишь ребёнком. Первоклашкой с большим белым бантом на голове, которую он когда-то по-свойски, по-соседски, за руку отводил в школу.

– Сколько же мы не виделись? – отвлёкшись от воспоминаний, спросил он Люду. – Вон ты какой красавицей успела стать!

– Да полно вам, Андрей Дмитриевич, – засмушалась женщина. – А не виделись мы десять лет.

– Неужели десять? Так много...

– Ровно десять, месяц в месяц.

– Как родители? Как личная жизнь? – поинтересовался Андрей, удивлённый памятью соседки.

– Папа умер, мама переехала жить в бабушкин дом. И мы с Андрюшей уже пять лет, как вместе с ней.

– Его тоже Андреем зовут? Интересно. Я его знаю?

– Вы с ним никак не могли встретиться, – отводя глаза в сторону, ответила Людмила.

Трамвайчик начал замедлять движение.

– Это – моя остановка. Прощайте, Андрей Дмитриевич, – готовясь к выходу, уже вставая, грустно улыбнулась Людмила.

– Почему же с отчеством? И почему так мрачно? В одном городе живём, ещё встретимся. Если что – звони. Номер телефона, надеюсь, не забыла? И передай маме от меня привет.

Молча кивнув в ответ, Людмила вышла из вагона.

Глядя из трамвайного окошка на пузырящиеся от дождевых капель лужи, на безлюдные тротуары, Андрей в задумчивости включил плеер.

«... жизнь драгоценна, но жить нам непросто

Тень моя, тень на холодной стене.

Короток путь от весны до погоста

Дождик осенний, поплачь обо мне...» – душевно пел под гитарные аккорды несильный, чуть хрипловатый голос Окуджавы.

«Что-что, а зацепить душу вы умеете, уважаемый Булат Шалвович... Такие вот вы все, классики-эгоисты. Если сами в печали – подавай вам всенародный плач», – грустно усмехнулся мужчина пришедшей в голову мысли.

Ему вспомнилось, что именно в этой части городской окраины, на мотодроме, «тусовались» когда-то они, городские мотоциклисты. Однажды, во время встречи с друзьями, внимание Андрея привлекла девичья фигурка в лёгком праздничном платьице, призывно махавшая ему рукой с тротуара. «Люда... Вон куда девчонку занесло», – узнал он, подъезжая.

– А я последний экзамен сдала. На пятёрку. Теперь я – девятиклассница! – радостно, не по-взрослому наивно, сообщила она Андрею.

– Умница, поздравляю. Какими ветрами тебя сюда занесло?

– Приехала на трамвае, к тебе.

– Ко мне?.. Зачем это?

– Приехала – и всё тут, – засмуцалась Люда... – Хотела тебе первому рассказать.

Андрей внимательно, как будто видел в первый раз, окинул взглядом свою повзрослевшую соседку.

«Вон как расцвела! Хоть портрет с неё пиши. Вот тебе и первоклашка с бантиком», – подумал он.

– Ну что, едем домой? Тучи надвигаются, вот-вот огуречничек вольёт.

Быстренько усевшись на заднее сиденье, девушка обняла Андрея, крепко к нему прижалась.

Уже на подъезде к дому, на ухо, пытаясь перекричать шум встречного ветра, попросила:

– Прокати ещё, Андрей. Ну, хоть немножечко.

Парень согласно кивнул головой и на первом же перекрёстке повернул в сторону ближнего озера.

Его не оставляли мысли о Люде, незаметно превратившейся в почти взрослую девушку. На скорости, на плавных волнах асфальта, парень постоянно ощущал спиной волнуемые рельефы прижимавшегося к нему юного женского тела.

Озеро тускло серебрилось отблесками дальнего, изредка проглядывавшего из-за дождевых туч солнца, пляж был абсолютно безлюден. Присев на скамеечке под деревянным тентом, они молча наблюдали за приближающимися зарницами.

Внезапная сильная вспышка молнии выхватила из сумрака громадные, мгновенно наполнившиеся страхом глаза Люды. После сухого раската дальнего грома она инстинктивно прижалась к Андрею.

– Как страшно, – прошептала девушка. Дрожащая, неотразимо притягательная и своей беззащитностью, и юной, только-только расцветающей женственностью.

С трудом преодолев порыв ответного желания обнять девушку, Андрей отстранился. Поднявшись со скамейки, завёл мотоцикл:

– Уезжаем, пока дождик не начался...

Трамвай трубно загудел колёсами на крутом повороте, Андрей очнулся от воспоминаний.

За окнами поплыли умытые дождём уютные, с ухоженными дворишками, кварталы стареньких малоэтажек. «Ну, вот я и дома. Принимай, родная Монастырка, блудного сына».

Возвращения домой, в холостяцкий уют своей «обкатанной» квартирki, оставленной ему матерью, переехавшей к сестре, на него всегда действовали умиротворяюще. Появлялось ощущение какого-то маленького личного праздника, абсолютной защищённости.

«Надо матери позвонить, – вспомнил вдруг Андрей. – Наверняка волнуется, переживает за меня». Набрал телефонный номер, коротко сообщил о своём возвращении, поинтересовался здоровьем тётушки, старшей из сестёр. Убедившись, что со старушками всё без изменений, пообещал завтра навестить.

«Такая вот она, жизнь. Казалось бы, совсем ещё недавно хлопотали вокруг него и мать, и одинокая тётушка. Суетились, собирая в школу, уроки с ним готовили, по очереди водили в спортивную секцию. И вот уже старость. Немошная, с нарастающими проблемами со здоровьем», – размышлял Андрей, разбирая свой разъездной баульчик.

Вспомнилось, как однажды, в последнее перед его отъездом на учёбу лето, собирался он на дальнее озеро к друзьям-мотоциклистам.

– Надолго уезжаешь, сынок? – спросила мать во время завтрака. В её голосе чувствовалась какая-то озабоченность.

– Позагораю там с ребятами, к ужину вернусь. Да ты не волнуйся. Если задержусь, не жди. Укладывайся спать.

– Там, во дворе, у твоего мотоцикла, уже дежурит Люда. Ты бы поберёг эту девочку, она совсем ещё ребёнок, – шепнула мать уже на пороге.

На улице его действительно поджидала Люда:

– Здравствуй, Андрюша. Можно я с тобой?

– Мы там до самого вечера, – попытался он отговорить от поездки юную соседку.

– А я уже отпросилась у мамы на весь день, – возразила девушка.

Не найдя что ответить, пожав плечами, Андрей завёл мотоцикл.

Дальнее озеро у молодёжи городской окраины было любимым местом их отдыха. Ребят привлекали и безлюдность, и не «заляпанный» мусором песчаный берег, и берёзовая рощица, убежище от палящего солнца, полого спускавшаяся с возвышенности до самой глади озера.

– А вот и Андрей пожаловал. И юную красавицу привёз, – приветственно встретили приехавших друзья-мотоциклисты.

– Сейчас станет рассказывать байки, будто бы эта девушка – двоюродная сестра или племянница, – добродушно подшучивали они над прибывшими.

– Соседка это моя, Люда.

– И сколько же вам, Людочка, годков-то будет, если не секрет?

– Шестнадцать недавно исполнилось, – смущённо улыбаясь, ответила девушка.

– М-да... А родители-то в курсе, что вы здесь? – не отставали ребята.

– Да ладно вам скалить зубы. Сказано же – соседка. Последний экзамен недавно сдала, – попытался «осадить» разошедшихся друзьями Андрей, расстилая на траве под берёзой полотенце, выкладывая из спортивной сумки пляжные атрибуты.

Быстренько сбросив одежду, он ступил в долгожданную прохладу родниковой озёрной воды. Проплыв размашистым кролем до середины озера, повернул обратно. Уже стоя на мелководье увидел, как к нему с берега направляется Люда, переодевшаяся в простенький купальник синего цвета. Стройная, с изящной, совсем уже не детской фигуркой. «Ишь как выдурилась! Вот она, и порода, и сама матушка-природа... А походка-то, походка. Будто фото-модель по подиуму дефилирует», – не отрывая глаз, всматривался Андрей в приближающуюся девушку.

– Андрюша, а давай сплаваем на тот берег? – попросила она. – Я никогда там не была. А одной плыть боязно.

Что-то манящее, многообещающее было в её глазах. Загадочных, понуждавших сердце тревожно биться.

«Эй, парень! Пора завязывать с такими романтическими прогулочками. Ничем хорошим для тебя они не кончатся, твоя умница-старушка неспроста тебя утром предупреждала», – думал Андрей, медленно плывя рядышком, изредка поглядывая на свою попутчицу, открывая в каждом её движении что-то новое для себя, неудержимо влекущее.

Выбравшись на абсолютно пустынный берег, слегка озябшие, они улеглись на горячий песок. Совсем рядышком, рука к руке. От каждого прикосновения девушки по телу парня пробегал разряд какой-то сладостной истомы.

– Поцелуй меня, – дотянувшись до его уха, едва уловимо шепнули вдруг губы Люды.

Ощувив прерывистое дыхание девушки, утонув в её бездонных, наполненных ожиданием глазах, парень потерял над собой контроль, вышедшая из повиновения тёмная сила страсти понудила его обнять Люду, неистово прижаться к девичьему телу.

– Андрюша... Мне страшно, – громовым, отрезвляющим раскатом прозвучал вдруг шёпот Люды, в сознании на миг вспыхнуло материнское «побереги девочку».

Парень вскочил, бросился в успокаивающую прохладу озёрной воды...

А через месяц, не простившись с Людой, избегая встречи с ней, Андрей отбыл в столицу. В институт, на учёбу. Потом была работа по распределению, любовь, два года семейной жизни...

Очнувшись от воспоминаний, Андрей переоделся в спортивное, сделал пятиминутную разминку на домашнем тренажёре.

Неожиданно зазвонил телефон:

– Это я. Пришла домой, решила тебе позвонить, – послышался в трубке тихий, неуверенный голос Люды.

– Что-то случилось? – забеспокоился Андрей.

– Нет, нет. Не волнуйся. Я просто хотела тебе сказать, что послезавтра у нас юбилей, день рождения Андрюши. Приходи.

От неожиданного предложения Андрей с минуту стоял молча.

– Но это же... нелогично. У вас – юбилей, семейное торжество. И вдруг – я. Женатый, чужой...

– Не надо, я всё про тебя знаю, – тихо перебила его Люда. – Всё-всё. И про то, что ты теперь одинок.

Сделав паузу, добавила:

– Андрюша – это мой сыночек, послезавтра ему исполняется пять лет. Он и есть вся моя семья. А ты, Андрей... Ты никогда не был мне чужим. Никогда. Ты был самым первым моим мужчиной.

– Но у нас же ничего не было!

– Это у вас, у мужчин, так не бывает. Потому что вы... Другие...

У озера

*Лишь только страсть,
Мучительница злая,
Дает нам на земле
Блаженство рая».*

В. Шекспир

– Всё, заканчиваем. Идём купаться, пока окончательно не ошалели от курева.

Отставив в сторону старомодный, гнutoго дерева стул, Саша вышел в палисадник. Вадим и Владимир молча последовали за ним.

Ребята собрались на даче по поводу возвращения из отпуска Вадима. За разговорами и дегустацией вин из коллекции, привезённой с юга отпусником, засветло так и не смогли выбраться на дикий пляж расположенного неподалёку озера.

Краешек пунцового, уже немного осеннего солнца готовился опуститься на тёмные контуры коробочек многоэтажных домов просматривавшегося на горизонте города, когда троица друзей добралась до совершенно безлюдного берега.

– А вот и наша лавочка, – нарушил торжественность тишины раннего вечера Александр.

Но место оказалось занятым: на облупившихся от краски брусках единственной пляжной скамейки были аккуратно разложены джинсы и блузка, на спинке белело полотенце. Рядышком на песке стояли яркие женские «вьетнамки».

– Ну что, ищем другое место? – обратился к друзьям Владимир.

– А куда торопиться-то? У нас вся ночь впереди.

Не дожидаясь ответа, Вадим присел на песок, ещё хранивший дневное тепло. Друзья молча пристроились рядышком.

По воде местами уже струилась сумеречная молочная дымка тумана. В полусотне метрах, колыхая пролётную до середины озера солнечную закатную дорожку и медленно приближаясь, расходились круги от плывущего человека. «Интересно, что это за наяду занесло так поздно в воду. Надо же, в одиночку не боится заплывать на глубину», – лениво подумалось Вадиму.

Через минуту купальщица была у берега, но выбираться из воды не спешила.

– Ребята, отойдите, пожалуйста. Мне нужно одеться.

Не понимая, чем это они помешали, друзья вопросительно уставились на подплывшую. Потом, осенённые внезапной догадкой, как по команде переглянулись: девушка в воде, несомненно, была голой!

Вадим с Володей поднялись с песка, готовые отойти в сторону. Но Саша, шутник и баламут Саша, даже и не пошевелился:

– Это наше давнее место. С какой стати нам уходить?

Устроившись поудобнее, опираясь локтями на песок, он нахально улыбался, умело «держит паузу» и ожидая, что предпримет попавшая в западню незнакомка.

Присев на мелководье, та с минуту размышляла. Дальше случилось невероятное. Рассчитывавшие услышать мольбы и просьбы ребята с изумлением наблюдали, как из мелкой воды поднялась вдруг во весь рост обнажённая купальщица. Ослепительно резанула глаза белизна незагоревших участков её стройного тела и высоких девичьих грудей, лишь слегка прикрытых распущенными волосами.

Величественно, словно морская богиня, незнакомка, будто по подиуму, прошествовала между опеших парнями к скамейке. На Вадима пахнуло озёрной прохладой и лёгким ароматом то ли цветов, то ли парфюмерии.

– Отвернитесь, я оденусь, – повторила девушка просьбу. На этот раз даже Александр не посмел ослушаться.

– Спокойной ночи, – прозвучало через минуту за их спинами.

Ребята, отойдя от шока, повернулись к собравшейся уходить Афродите.

– Уже поздно, мы вас проводим, – нашёлся первым Александр.

Не отвечая, незнакомка зашагала по тропинке, по которой только что пришли они сами. Переглянувшись, забыв про купание, друзья двинулись следом.

По дороге познакомились. Инна, – так звали девушку, – отдыхала вместе с матерью на соседней с их домиком даче. Не сразу, но ребятам удалось уговорить её зайти в гости.

На древней дачной радиоле вполголоса о чём-то напевала долгоиграющая пластинка. В застолье за беседами незаметно наступила полночь. Ушёл наверх в мансарду сомлевший Саша, чуть позднее за ним последовал Владимир.

– Наберёшь на ночь воды из колодца, – оставил он наказ Вадиму.

А тот, обняв в танце талию девушки, за мелодией старомодного блюза ничего расслышать уже не мог. Как разряды электричества, ощущая в такт музыки прикосновения груди Инны, он до мелочей представил всю её недавнюю обнажённость. Убаюканный проникновенным граммафонным голосом заморской певицы, неожиданно для себя самого расстегнул пуговицу на блузке девушки. Та взволнованно задышала, молча прижалась к теряющему самоконтроль парню.

Блузка сползла с плеч девушки, губы Вадима в неистовом порыве облетели её тело, отвечавшее трепетом на каждое их прикосновение.

– Не надо... Дверь не заперта! – неудобно, отрезвляюще, девичьи кулачки упёрлись вдруг парню в грудь.

До Вадима с трудом дошёл смысл услышанного. Вскочив, он в полутьме лихорадочно нащупал дверной замок, защёлкнул его.

Инна была уже в блузке. При тусклом свете заглядывавшей в окошко луны парень тоже оделся, присел на кушетке, закурил. Девушка молча под села рядом, мягко обвила руками его предплечье, прижалась щекой к плечу. Вадим ответил на ласку и всё повторилось: лихорадочно срывавшиеся, улетающие куда-то одежды, мгновения первозданной наготы. И – гром с ясного неба, упирающиеся в грудь парню острые и неудобные кулачки Инны.

– Мне нужно идти домой, мама беспокоится, – тихо попросила она после третьего разочарования парня.

Пропустив гостью в дверях вперёд, взвинченный, готовый сорваться на мелочи, парень молча проводил её до калитки соседней дачи. С минуту молча стояли в темноте. Инна чего-то ждала, не выпуская руки Вадима, но накативший острый приступ какой-то тёмной неясной обиды заставлял того упорно молчать.

– Эх ты! С девушкой сладить не смог!

Оттолкнув руку Вадима, Инна скрылась в темноте дачного дворика. Обескураженный парень машинально достал из кармана сигаретную пачку, прикурил от чуть тлевшего в темноте огонька сигареты новую.

«Случится скоро в твоей жизни важная встреча с женщиной и необычная ночь», – будто нашёптанное на ухо, всплыло вдруг в памяти парня недавнее пророчество случайной уличной цыганки-вещуньи.

Постояв с минуту, он двинулся назад. На дачу друга, к хранившей ещё тепло и аромат девичьего тела кушетке.

Проснулся Вадим от лучей солнца, бивших прямо в лицо. Со двора тянуло дымком разгоравшегося костра, доносились голоса ребят.

– Ну что, гулёна, выпался? Ушла Инна, вместе с матерью ушла. На вот, получи послание, – встретил улыбкой появившегося в дверях веранды хмурого от беспокойного сна друга Александр, протягивая сложенный пополам листочек из записной книжки.

«Не обижайся, пожалуйста», – было написано на нём девичьей рукой. Ниже стоял длинный ряд цифр сотового телефона...

Ольга Райман

Бегунья

Опять наступает утро, и с превеликим трудом я поднимаюсь с кровати. Суставы ломят – боль не позволяет радоваться пробуждению. После нехитрых гигиенических процедур, завтракаю и иду туда, где обитает молодость и жизнь полна движения. Две тысячи тридцать четыре шага до стадиона мне даются очень нелегко. Пять лет назад я бы никогда не подумал, что буду проходить, нет, преодолевать это расстояние за час с небольшим и тремя остановками. Мне шестьдесят три, а чувствую я себя старой развалиной. Даже, когда оказываюсь на трибуне и тяжело плюхаюсь на лавочку, то ещё долго не могу отдышаться, а сердце бешено колотится, никак не может успокоиться.

Я прихожу сюда вот уже больше года, но с недавнего времени у меня появилась любимица. Молодая женщина с точёной фигурой и рыжей копной длинных волос. Она приходит всегда в одно и то же время. Впереди неё идёт мальчик лет семи, который несёт её спортивную сумку, рядом идёт девочка лет пяти, а следом за ними она, неся под мышкой двухлетнего мальчугана. Детей она оставляет в песочнице и пока бегаёт, ребятишки, как маленькие забавные сурикаты по очереди следят за ней. Сначала малыш неотрывно наблюдает за действиями мамы и, убедившись, что дальше стадиона она не собирается убежать, садится в песочницу. Затем встаёт девчужка, её белокурые пушистые волосы треплет ветер и она становится похожа на одуванчик. Через некоторое время её сменяет старший брат, который наблюдает за мамой дольше всех, периодически бросая взгляды на младших брата и сестру.

Один раз я разговорился со сторожем стадиона, который мне поведал историю молодой женщины. Ей тридцать пять, и она год уже как вдова. Оказалось, я хорошо знал её мужа, нужно прибавить, что его знали многие в нашем городке: отъявленный негодяй, бывший под следствием не один раз, но всё время выходявшим сухим из воды. Но, видимо, последние выходы переполнили чашу терпения даже его дружков, потому как около года назад его убили свои же в какой-то пьяной разборке. Я смотрел на эту красивую молодую женщину, и мне она совершенно не казалась несчастной. Меня восхищало, что в любую погоду она в одно и то же время приходила бегать. Когда наступила зима, то её малыши вместо песка возились в снегу, неизменно по очереди наблюдая за мамой.

С началом весны подошла моя очередь на госпитализацию в столичную клинику. Я отсутствовал в городе больше полугода. Но каждое моё утро начиналось мыслями о ней. Я представлял, как она бегаёт, придумывал, как она живёт с детьми, и эти нехитрые фантазии давали мне силы бороться с недугом. Даже очнувшись после сложнейшей операции, сразу вспомнил о ней, а медсестра удовлетворённо констатировала:

– Показатели в норме, Вы молодцом!

Конечно же, я понимал, что мне ничего не светит, но мечтать-то ещё никто не запрещал...

Домой из больницы меня привёз сын. Ему тридцать три года, он ещё не женат, меня это немного огорчает в плане того, что внуков тоже нет. Но с другой стороны мой сын – это моя гордость. После окончания с отличием столичного ВУЗа, ему сразу предложили высокооплачиваемую работу.

Во время реабилитации, когда я уже был дома, сын приезжал часто, иногда оставаясь на несколько дней. Когда он пару раз не пришёл ночевать, я спросил его:

– Кто она?

Сын немного помедлил с ответом:

– Пап, она очень хорошая. Ей немного не повезло в этой жизни, но я уверен, что у нас всё будет хорошо.

Я сразу понял, что это она, моя бегунья. Я был просто в этом уверен, а сын осторожно продолжил:

– Если хочешь, могу вас познакомить.

Я только покачал головой. Может потом, когда у них всё сложится, я приму её, но не сейчас. Сейчас я не готов. Больше полугода я жил только мыслями о ней, и разрушить все мои мечты в один миг мне совершенно не хотелось. Но надежда умирает последней, и я решил всё же уточнить:

– У неё трое детей?

Сын удивлённо повернул ко мне голову:

– Да, папа. Но я... Она мне очень дорога. Мы не виделись много лет...

Я улыбнулся и протянул ему руку:

– Всё хорошо. Сын. Всё будет хорошо. Но давай ты нас чуть позже познакомишь.

Он кивнул. А я вздохнул с облегчением, чувствуя при этом себя полным идиотом: ревновать женщину к собственному сыну, причём женщину, с которой, даже ни разу не общался...

Осень закончилась неожиданно, вернее зима вступила в свои права как всегда в один миг и сразу. Только вчера дворник ворча, сметал пожухлые листья, а уже сегодня расчищает дорожки от снега. Я совсем мало выходил из дома. И на стадион больше не ходил, зная, что свою избранницу сын перевёз в столицу. А на кого мне там было ещё смотреть?

Но наступила весна и природа опять стала пробуждаться. В конце апреля и я стал немного отходить от зимней спячки. И собравшись, в одно утро направился знакомым путём к стадиону. Две тысячи тридцать четыре шага в этот раз я просто прошагал, с содроганием вспоминая с каким трудом, эта прогулка давалась мне в прошлом году. Знакомый сторож мне приветливо помахал рукой, приглашая на трибуну.

Я направился к нему, но пройдя несколько метров, замер. По стадиону бежала она, так же легко и свободно, как и всегда, а в её рыжих волосах словно запуталось несмелое апрельское солнышко. Я посмотрел в сторону песочницы, её трое ребятишек гоняли мяч и совершенно не смотрели в сторону матери. А рядом с ними стоял высокий молодой человек, который неотступно смотрел на бегающую молодую женщину. И в его взгляде читалась плохо скрываемая тревога. Я снова посмотрел на свою бегунью и тут только заметил её слегка округлившийся животик...

Что я почувствовал? Радость. Да, именно радость, ведь жизнь продолжается, как и мечты...

Александра Ильина

Пропасть

Каждый вечер, возвращаясь с работы, я наблюдал в родном дворе одну и ту же картину. Мужчина, выгуливавший на поводке своего огромного ротвейлера, явно поджидал кого-то. Он и собака неспешно прогуливались вдоль самостоятельно выросшего газона и деловито поглядывали по сторонам. Спустя минут пять из подъезда к ним на встречу неизменно выходила молодая женщина с огромным персидским котом на руках. Кот восседал на её руках, как на троне, важно окидывая окрестности своим царским взглядом. Замечал ротвейлера, неизменно фыркал. Для порядка больше, ибо собак он никогда не боялся, а с ротвейлером и вовсе водил дружбу. Женщина и мужчина приветствовали друг друга как старые знакомые. И почему-то всегда немного удивлялись, будто бы не ожидали встретиться в такой час в таком месте; будто бы в их встрече было что-то необычное, заранее не спланированное, но приятное. Женщина ласково трепала ротвейлера по загривку, ласкала его и иногда даже целовала в нос, на что пес отвечал благосклонным ворчанием и ласковым повизгиванием. Мужчина, в такие моменты, брал на руки кота. Брал бережно, словно кот был неким старинным артефактом и стоил баснословных денег, которые пришлось бы вносить в случае небрежного с ним обращения. Кот выражал своё расположение более сдержанно – мурлыканьем и иногда позволял себе потереться о свежевывбритый подбородок хозяина пса. Женщина и мужчина мило беседовали между собой о погоде, о питомцах, и ещё о чем-то незначительном. И за разговорами проходило время...

Я наблюдал эту картину каждый вечер, возвращаясь с работы. Но, кроме того, я видел ещё и бесконечную пропасть, разделявшую этих людей, их слабые попытки пересечь её...

Мне было понятно смущение мужчины, когда он понимал, что болтает со своей спутницей уже битый час, когда ловил на себе чужие взгляды непонимания и удивления – ну ещё бы – о чем могут часами беседовать люди с разницей в возрасте почти в четверть века.

Он продолжал приходить, как бы невзначай, а она продолжала гулять с котом в то же самое время. И оба продолжали немного удивляться, встречаясь во дворе дома. И болтать ни о чём часами. Я видел, что им было нужно совсем ни это, но на большее они не осмеливались, боясь, потерять то, что имеют...

Спустя почти три года, в одно солнечное августовское утро к нам во двор въехал кортеж украшенных лентами и шарами машин и нарядная толпа под окнами громко кричала: «Тили-тили, тесто! Здесь живёт невеста!» В девушке, вышедшей из парадного в белоснежном платье, я узнал хозяйку персидского кота. В тот вечер мужчина с ротвейлером не пришли в наш двор. Не пришли они ни следующий день, ни через неделю, никогда... Напрасно ждала их молодая женщина и её персидский кот. Напрасно долгими вечерами они вглядывались в серую дымку за окном, ожидая увидеть своих старых друзей. Напрасно гуляли вечерами во дворе, ожидая с работы молодого папу. Я знал, они ждали не только и не столько его. Они ждали и надеялись, но друзья так и не пришли, ощутив себя вдруг ненужными и забытыми. Может быть, они нашли другую женщину и другого кота, но только в другом дворе...

А ведь их разделял всего лишь один шаг. Всего один шаг и пропасть в четверть века исчезла бы навсегда.

Кроссовки

– *Найти идеальную пару очень трудно! Но всё же возможно!*
– *Вы о туфлях или о мужчинах? Хотя, если присмотреться, в них есть что-то общее... (с)*

Высказывание попало мне на глаза лет пять назад и я не мог с ним не согласиться. Взять, к примеру, мою институтскую подругу – Татьяну. Умна, красива, рисует... Просто мечта, а не девушка, но вот беда – обувь подбирать совсем не умеет, впрочем, не только обувь. Татьяна – девушка со статусом, в рванине с китайского рынка не ходит. Все её туфельки брендовые, приобретённые за умопомрачительные суммы, но... увы и ах... одни ей чуть великоваты, другие нещадно натирают пяточки, третьи – жмут после часа другого, в четвёртых подворачивается голеностоп, а пятые давят на любимую мозоль. И если бы все Танюшкины беды только этим и заканчивались, но не тут-то было...

Первая красавица на курсе – Таня – могла заполучить любого, но выбрала разгильдяя Сашку. Хотя это и понятно – сын небедных родителей, своя «Волга», что в те годы было верхом роскоши. Ко всему прочему Александр был хорош собою и ничем не обременен, как дурными привычками в виде курения и алкоголизма, так и высокими моральными принципами и воспитанием. Мог употребить крепкое словцо «на людях», плевать на тротуар, бросать мусор мимо урны, ковырять вилкой в зубах и прочие мелочи воспитания, как он сам их называл. Их роман продержался два месяца, после чего кавалер был отправлен в отставку. Правда не самой Татьяной, влюбленной в него по уши, а её папой – профессором кафедры естественных наук, в глаза обозвавшим потенциального зятя павианом и петухом. Тот так сильно обиделся, что с тех пор обходил Таню по дуге радиуса взрыва пушечного ядра.

Н-да, великоваты туфельки... Не Ваш размер...

Второй, не менее примечательный, кавалер был просватан Танюшке её папой. Доцент орнитологии, сам похожий не то на цаплю, не то на журавля, с непомерно длинными конечностями, худой и сутулый и с неизменными очками на длинном «гоголевском» носу. Одно слово – ботаник... Такой не станет ковырять вилкой в зубах и плевать на тротуар. Но... рано Танюшкины подруги приготовились ловить букет! Журавль, как его за глаза окрестила сама невеста, оказался занудой.

«Девочки и мальчик (она всегда так обращалась к нашей компании), вы себе не представляете, как он мне надоел своими нравоучениями и замечаниями! – жаловалась нам невеста, после полугода отношений с Журавлем. – Вилку я держу неправильно, и юбка у меня слишком короткая, и кашляю я слишком громко, и смеюсь слишком много и в неподобающих местах. Нет, вы слышали это? А где положено смеяться?! Это что же, как для курения места и для смеха так же что ли? «Мы сочувственно кивали и жалели «бедняжку». Закончилось всё банально – Татьяна пристроила Журавля – старой деве нашего потока – Анне Сергеевне и даже на их свадьбе погуляла, только вот букет поймать не сумела.

Ох, и хороши ботиночки, но только трут жутко...

Зато на свадьбе Журавля и Анны Сергеевны, Танька познакомилась с третьи своим обоже. Ах, каким он был внимательным. Да о таком каждая девчонка мечтает. Пальто подавал, на машине с работы встречал, дома сам и готовил и убирал. Кофе в постель... Просто ожившая мечта собирательного образа. Но... Танюшка птица вольная и опека ей надоела быстро. Однажды вечером засиделась с подружками в кафе, домой приехала на такси, а на все вопросы любимого вспыхнула: «Я что под надзором что ли?»

«Злишься?! Значит, есть что скрывать! Кто он? – взбеленился новоявленный Отелло.

– Да нет у меня никого! – попробовала оправдаться подруга.

– Говори! Все равно узнаю! – не отставал тот.

И тут Татьяна поняла, что Павлик – герой вовсе не её романа. Побросав шмотки в сумку, Татьяна в третьем часу ночи на такси примчалась ко мне ночевать. Больше они с Павлом не встречались.

Увы, жмут босоножки, отёкшие ножки...

Следующий год Танька горевала одна. Учила испанский, ездила в отпуск на море в надежде встретить там своего единственного. Но судьба, в облике красавца – брюнета с карими глазами поджидала её совсем в ином месте. В танцевальной студии, куда Татьяна пришла за компанию с коллегой. Пришла на пару занятий, а осталась на долгие два года. Все это время длился их роман с брюнетом – мачо. Чего он только Таньке не обещал?! Кажется, всё, что можно было пообещать и невозможно выполнить, он пообещал: дом-пентхауз в Крыму, собственную яхту, самолет и возможность не работать ни дня, штат прислуги и гардероб самой королевы Елизаветы... а кроме того и штамп в паспорте. Но почему-то каждое посещение кафе или кино оплачивалось Танечкой из собственного кошелька. На дни рождения, Новый год и прочие праздники Татьяна покупала своему кавалеру то золотую печатку, то брендовый парфюм. Между тем, как в ответ довольствовалась скромными открытками и букетами в пять розочек. «Он все деньги в бизнес вкладывает. Расширяется. Вот закончит и тогда заживем!» – оправдывала Татьяна своего альфонса. Да, они и зажили, спустя пару лет. Только порознь. Мачо обходил-таки самую богатую невесту в городе – дочку банкира и зажил в пентхаузе в Крыму. А Танька три недели проревела, в моё плечо.

Ах, подвернулась ножка на шпильке... видно, каблук-то Вам высоковат...

Поплакала – погоревала и отправилась к маме на дачу, полоть грядки с морковкой и поливать огурцы. Хорошо летом за городом – свежий воздух, речка рядом. Татьяна постройнела, загорела – стала краше, чем была. Тут и кавалер нашелся. Сосед – Петька. Как говорят, седина в голову, бес в ребро... Петру хоть и 40, но молод душой и все ещё не женат. Заглядывался на Таню серьезно – на рыбалку с собой приглашал, в огороде помогал, за продуктам в магазин подвозил. Мужик, что надо – хозяин в дом. И огород вскопает, и гвоздь забьёт как надо, и кран починит... Осенью Татьяна переехала к Петру. Хотела семью с ним создать, детишек нарожать, но и тут недостаток нашёлся. Потенциальный муж оказался страстным футбольным болельщиком – ни одного матча не пропускал. И жену активно привлекал к обсуждению. Месяца три Татьяна терпеливо сносила всё это, а под новый год вдруг решила – с нового жизнь и жизнь новая должна быть! Очередной роман закончился на сей раз под бой курантов. И снова такси и моя квартира...

Эх, хороши сапоги, но на мозоль-то давят...

«Что ж, Витя, порча на мне, наверное», – вздохнула Таня, прихлёбывая чай.

«Придумала ерунду! – отмахнулся я, пытаюсь вспомнить солил ли я яичницу. – Вот лучше скажи...»

«Солил! Уже дважды спрашивал», – монотонно ответила Татьяна на мой невысказанный вопрос. Вот как она все помнит и угадывает мои мысли?!

«У меня для тебя подарок! Сейчас принесу» – вдруг вспомнил я.

Она замерла, насторожилась. А когда я вручил ей обувную коробку, посмотрела на меня немного растерянно. Открыла и как ребёнок взвизгнула от восторга: «Витька! Как ты угадал? Я о таких давно мечтала!»

«Примерь!» – улыбнулся я.

Она весело кружилась по комнате в обновке, рассматривая свое отражение в зеркальных дверцах шкафа-купе. Вдруг остановилась, заметив отражение моего пристального взгляда. На её невысказанный вопрос я спокойно ответил: «Хочу, чтобы ты стала МОЕЙ женой».

Оказывается, я тоже умею угадывать её мысли...

Найти идеальную пару намного проще, чем Вам кажется. Только начинать поиски нужно не с модельных «шпилек», а с кроссовок...

Ольга Травушкина

Подарок на Новый год

В тот вечер наконец-то пошел снег. Ещё вчера вокруг было серо и промозгло, как осенью, а сейчас снег белым покровом устлал землю и укутал деревья, словно вспомнив, что скоро Новый Год.

Стас сидел в своей комнате и любовался снегопадом в окно. На душе у него было уже по-новогоднему празднично.

Хлопнула дверь в прихожей – пришли родители. Стас улыбнулся. Сегодня они обещали ему подарок, о котором мальчик мечтал уже давно, и он ждал его с нетерпением.

– Добрый вечер, – улыбнулась мама, заглядывая в комнату. – Иди скорей, Стасик, мы принесли тебе новогодний подарок.

– Иду! Неужели... – мальчик радостно «вылетел» из комнаты и замер, глядя на неказистое, чуть больше кошки, существо на полу.

– С Новым Годом! – мама с папой так и «сияли» от счастья.

– Что это? – мрачно спросил Стас. Собачонка чихнула и, переваливаясь на маленьких кривых лапках, «зачапала» к нему.

– Собака, – мама всё ещё улыбалась. – Тебе нравится?

– Нет! – мальчик с отвращением смотрел на лопоухое недоразумение, обнюхивающее его ботинки. Назвать это собакой у него «не поворачивался язык». – Я хотел породистую собаку!

– Так она же и есть породистая! Собака маленькой породы... – Мама с папой явно растерялись. Не будь Стас так разозлён, он бы сразу понял, что им нравится эта собака. – Мы думали, тебе понравится...

– Я хотел настоящую собаку! Овчарку или сенбернара! А не эту... «игрушку»!

– Стас...

Но сын уже скрылся в комнате, сердито хлопнув дверью.

Последние дни перед Новым Годом выдались невесёлыми. Обиженный Стас почти не разговаривал с родителями; собачонку же, которую называл «шмакодьявкой», старательно не замечал. Мама с папой, огорчённые, что сыну не понравился подарок, сами кормили её и выгуливали или поручали это Лёльке. Младшая сестра Стаса тоже привязалась к неказистой «мелочи» и с удовольствием наряжала её перед прогулкой в шитые мамой комбинезончики.

Днем 31-го декабря вся семья ждала Деда Мороза. Мама с папой готовили еду к новогоднему столу, восьмилетняя Лёлька, сидя под ёлкой, старательно повторяла выученное к празднику стихотворение, а Стас играл на компьютере. Утром родители подарили ему коньки и игровую приставку, так что настроение у него немного улучшилось. Он даже согласился погулять вечером с Тяпой, которая, порыкивая, сейчас грызла в углу тапочек (собачонка очень любила грызть обувь, особенно старые тапки).

Наконец раздался звонок в дверь. Счастливая Лёлька помчалась встречать Дедушку Мороза. Стас, конечно, не проявил энтузиазма – кто же верит в Деда Мороза в 14 лет? Не обращая внимания на голоса и смех в прихожей, он продолжал играть. Но вот раздалась тяжёлая шаги, и в комнату вошёл белобородый старик в красном тулупе и серебристым посохом в руке. Под ногами у него вертелась неугомонная Тяпа. Лёлька вприпрыжку вбежала следом, встала возле ёлки и бойко «отбарабанила»:

Шубка, шапка, рукавички.

На носу сидят синички.

Борода и красный нос —

Это Дедушка Мороз!

– Молодец, – пробасил Дедушка. – Где там мой мешок? Держи-ка, девочка, подарок.

– Ура! – Лёлька закружилась по комнате с ярким пакетом в руках. Тяпа с весёлым лаем носилась за ней.

– А здесь у нас кто? Почему с Дедом Морозом не здороваешься? – обратился к Стасу дедушка.

– Здравствуйте, – пробурчал Стас, неохотно отрываясь от игры.

– Здравствуй, здравствуй. Что ж ты меня не встречаешь? Сестрёнка твоя мне уже стишок рассказала новогодний...

– Я уже большой, – буркнул Стас. – Тяпа!! Пошла вон отсюда!

Собачонка, крутившаяся рядом, звонко залаяла.

– Она на улицу хочет, наверное, – Лёля уже разворачивала пакет. – Ты обещал сегодня с ней погулять, забыл?

– Не пойду я с этой... – Стас скривился и слегка толкнул Тяпу ногой. – Подождёт.

– Нехорошо, – Дедушка Мороз нахмурил брови. – Нехорошо ты к своей собаке относишься, мальчик!

– Я настоящую собаку хотел, а не эту малявку, – проворчал Стас.

– Вон оно что... – Дедушка задумчиво смотрел на него. – А настоящую – это какую?

– Овчарка, акита-ину, сенбернар... хаски тоже классно было бы, – Стас даже улыбнулся, представив себя хозяином такой собаки. – Но у нас только эта шмакодявка, – закончил он печально.

Дед Мороз некоторое время смотрел, как сестрёнка Стаса в другом углу комнаты угощает Тяпу конфетами из своего подарка – собачонка очень любила сладкое.

– Ну что ж, – сказал он, наконец. – Подарю я тебе желанный подарок – овчарку. А эту собаку заберу, раз ты так её не любишь, и кому-нибудь подарю.

– Овчарку? Вместо вот этой? – Стас поражённо уставился на Деда Мороза. – Конечно, хочу! Мам, ты слышала? Пап!

Мама с папой, стоявшие в дверях, молча переглянулись.

– Это же твоя собака, – тихо откликнулась мама.

– Мы дарили её тебе, тебе и решать, – поддержал её папа.

– Стас, не отдава... – начала было Лёля, но мама шикнула на неё, и она замолчала.

Стас схватил собачонку и протянул Деду Морозу.

– Вот, забирайте! А когда вы подарите мне овчарку?

– Вечером тебе её приведу, мальчик. До свидания, – с этими словами Дед Мороз аккуратно взял Тяпу на руки и вышел в прихожую. Стас отправился туда же, чтобы открыть ему входную дверь.

Когда он вернулся, родители и Лёля сидели на диване втроем. Мама обнимала её, а папа что-то негромко говорил.

– Эй, вы слышали? У нас будет овчарка! – радостно крикнул Стас. – Лёлька, прикинь...

Он посмотрел на сестру и осёкся: её губы дрожали, а по щеке катилась слезинка.

– Ты чего, Лёль? – растерявшийся Стас наклонился к сестре, но она отвернулась и прижалась к матери. – Ты из-за Тяпы, что ли?.. Плюнь ты на эту малявку, овчарка гораздо лучше!

– Я Тяпу лю – ю – блю! – Лёля всхлипнула, и из её глаз потекли слезы.

– Ну, ты даёшь... – Стас удивленно посмотрел на сестру, хмыкнул и вышел из комнаты.

– Не плачь, Лёля, – огорчённая мама, которая тоже привязалась к Тяпе, погладила дочь по голове. Папа вздохнул. Вдруг за спиной у Лёли раздалось звонкое тьяканье. Девочка обернулась. Рядом стоял Стас, а на руках у него...

– Держи, – Стас протягивал сестрёнке Тяпу. – Дед Мороз ещё не ушёл далеко, и я... Раз она тебе так нравится...

– Тяпа!!! – Лёля схватила собачонку на руки и крепко прижала к себе. Стас молча смотрел, как Тяпа слизывает слезинки с Лёлиного лица.

– Молодец, Стас, – папа положил руку ему на плечо. – Не огорчайся.

– Ты правильно поступил, сынок, – улыбнулась ему мама. – Лёля очень любит эту собачку. Не расстраивайся сильно...

– Проехали, – Стас вздохнул. – Жил без овчарки, и дальше проживу.

Наступил вечер. Стас, ведя на поводке Тяпу, вышел из подъезда и невольно залюбовался – с неба большими белыми хлопьями падали мириады снежинок. Огромная наряженная ёлка во дворе многоэтажного дома сверкала разноцветными огнями, вдалеке слышался треск петард и фейерверков.

– Вот и Новый Год скоро, – вздохнул Стас. – А овчарки у меня так и нет.

Тяпа, натягивая поводок, бежала впереди. Мальчик медленно шагал за ней. «Может, я зря её обратно забрал? – думал он, глядя на мелкую собачонку. – Была бы у меня овчарка. И гулял бы я сейчас с ней, а не с этой...»

Тяпа задрала ножку возле ёлки. Пробежала по всему двору, обнюхала все кустики и каждый камешек. Стас шёл за ней, погруженный в свои мысли. Вдруг собачонка звонко тявкнула, принюхиваясь к чему-то в воздухе.

– Чего ты? – Стас «очнулся» от размышлений и взглянул на наручные часы. – Пойдём, домой пора.

Он повернул было к дому, но Тяпа упорно не желала уходить. С громким лаем она рвалась с поводка.

– Вот упрямая! – разозлившись, Стас с силой дернул за поводок, и... тот вдруг остался у него в руках, а Тяпа, звонко гавкая, помчалась прочь и мгновенно исчезла из виду в снежной круговерти.

– Стой!!! – Стас бросился за ней, да куда там! Тяпа уже выбежала со двора и «летела» так, что за ней было не угнаться, пожалуй, даже взрослому. Запыхавшийся, испугавшийся, что Тяпа сейчас потеряется совсем (а как будет снова плакать Лёля!), Стас бежал изо всех сил, и вдруг, споткнувшись обо что-то, кубарем полетел в сугроб.

Разлепив глаза от попавшего снега, он с удивлением обернулся назад. Рядом лежало что-то большое и тёмное, а возле этого непонятного препятствия молча сидела Тяпа. Мальчик подошёл поближе и замер: на снегу лежала большая серая овчарка. Она почти не шевелилась, лишь вздымающиеся бока говорили о том, что она ещё жива. Тяпа жалобно лизала её ухо и тихонько поскуливала.

Стас наклонился над овчаркой и с ужасом увидел большую рану у неё на боку.

– Похоже, её сбила машина. Такая рана... – пробормотал он с жалостью, опускаясь рядом на корточки. Погладил собаку, а она вдруг лизнула его ладонь и, чуточку скосив глаза, посмотрела на него так преданно и грустно, что у него от сострадания защемило сердце.

– Ты же тут замерзнешь к утру, бедолага... – Стас осторожно приподнял голову овчарки. Та тихо заскулила, и он тут же опустил её обратно. Оставлять собаку одну он не решился, а тащить её было не на чем.

Стас растерянно смотрел на овчарку, не зная, что делать и чем ей помочь. Тут за спиной у него раздалось тихое порывивание. Мальчик обернулся и увидел, что Тяпа вцепилась зубами в валяющуюся на снегу срубленную ёлку. Упираясь в неё лапами, она изо всех сил тянула её за собой.

– Молодец, Тяпа! Давай-ка её сюда, потом что-нибудь погрызешь.

Стас медленно и осторожно, то и дело останавливаясь, уложил скулящую овчарку на ёлку и поволок её домой.

Через несколько дней, после всех хлопот с вызовом ветеринара, уколами и перевязками, Стас сидел на ковре возле Альмы и гладил её по голове. Овчарка виляла хвостом и лизала ему руку. Рядом грызла тапочек Тяпа.

– Ну как она? – Лёля плюхнулась на ковер рядом с братом и тоже погладила овчарку.

– Поела и даже вставала недавно, – улыбнулся Стас. – Ветеринар сказал, что всё будет в порядке – я вовремя её нашёл. Вернее, Тяпа нашла. Знаешь, если бы не она...

– Значит, это Тяпа её спасла?

– Да. Хотя я до сих пор не понимаю, как она учуяла её на таком большом расстоянии.

– Новый Год же! – простодушно улыбнулась Лёля. – Дед Мороз мне говорил, что под Новый Год случаются чудеса.

Стас задумчиво посмотрел на сестрёнку.

– Может, это и правда было чудо, – согласился он. Улыбнулся и погладил маленькую Тяпу.

Артём Боев

Догоняй

Порой достаточно одного взгляда, чтобы воспоминания нахлынули нескончаемым потоком и прогнали из головы всё остальное. Стоило только прикоснуться к чему-нибудь, услышать знакомый звук или почувствовать запах, присущий только этому месту, как разум сразу терялся. Безудержным вихрем мыслей переносил туда, где эти ощущения наступали в последний раз. В далёкое-далёкое время. Время беззаботной юности и беспричинной радости.

Что-то подобное чувствовал Саша, когда входил в старый деревянный дом, в котором когда-то проводил летние каникулы. Он вспоминал, как просыпался от запаха свежеспечённых бабушкиных пирожков, быстро поднимался с постели и садился за стол, даже не умываясь. Саша мог есть их постоянно, пока бабушка сама не останавливала его, говоря, что от такого количества съеденного заболит живот. Но мальчик редко её слушался и проглатывал ещё пару, а потом запивал всё это большой кружкой свежего молока, которое дедушка приносил рано утром от соседской коровы.

А готовила бабушка пирожки с любовью. Особенно, когда приезжал её любимый внук. Поздно вечером она подготавливала тесто, долго-долго месила его и оставляла прямо на столе, прикрыв марлей. Ложилась затемно, а просыпаясь, пока все ещё спали, продолжала готовить. Растапливала печь. Да ни какую-нибудь, а самую что ни на есть настоящую, русскую. Зимой то ещё удовольствие было спать на ней. Закончив растопку, бабушка готовила начинки. Сладкие и солёные: ягоды, грибы, повидло, капусту. И много чего ещё, а всё и не перечислить. Как только печка прогревалась до нужной температуры бабушка раскладывала пока ещё сырые пирожки на противне, смазывала их маслом, а потом укладывала в большое почерневшее от сажи горнило, откуда пылало таким жаром, что Саша порою боялся подходить слишком близко, чтобы не обжечь лицо. А когда пирожки были готовы, бабушка доставала их, и манящий запах мгновенно распространялся по всему дому, привлекая домашних.

Саша смотрел на покосившуюся, покрытую трещинами печку. Слишком долго её никто не растапливал, да и некому стало это делать, и парень пожалел, что не приезжал сюда раньше, когда была такая возможность. Много изменилось в нём, пока он отсутствовал. Вместе с возрастом изменились интересы и увлечения. Со временем ему стало скучно отдыхать в деревне, а потом на это просто не было времени. Старшие классы, экзамены, поступление. И только сейчас, после университета, спустя много лет, Саша вновь оказался здесь, в опустевшем зелёном доме с большим двором и огородом, и радовался любой мелочи, которая возвращала его в детство.

Пытаясь вспомнить, когда он гостил здесь в последний раз, Саша не заметил, как оказался во дворе перед домом. Некогда казавшийся таким просторным, двор зарос высокой травой и был едва узнаваем. Под вишней, ветки которой отчасти уже высохли и больше не цвели, расположился старый неработающий холодильник. Саша вспомнил, как пытался достать до нижней ветки, подставляя доску. Теперь, думал юноша, он смог бы залезть на самую верхушку и без посторонней помощи. Около забора, куст калины так сильно разросся, что покосил ограду из тонких жердей, угрожающе нависая над ней. А сразу за оградой стояла лавочка из двух небольших пеньков и широкой доски, краска на которой когда-то была ярко-голубой, но теперь уже вся выцвела и местами облупилась, оголяя почерневшее дерево. Саша сел на неё, прикрыл глаза и, наслаждаясь шелестом легкого ветерка попытался вспомнить то время, когда его ничто не заботило, когда он – совсем мальчик – бегал без всякой цели по двору, лазил по деревьям, а в доме ещё жили его бабушка с дедушкой. Но в голове появля-

лись лишь куски воспоминаний, не создавая полной картины. Саша понимал, что непростительно долго не возвращался сюда.

Вдруг, он почувствовал, как к его руке прикоснулось что-то мокрое и холодное. Саша открыл глаза и увидел перед собой серого пса. Он был старым, лохматым, настороженно водил носом по руке, обнюхивая её, но заметив, что за ним наблюдают, сел на задние лапы и стал громко дышать, высунув от жары бледно-розовый язык.

– Я тебя знаю? – спросил парень, понимая что этот пёс ему знаком. Но тот лишь радостно гавкнул и начал вилять хвостом, раздвигая в стороны высокую траву. – Чей ты?

Словно в ответ, где-то вдалеке послышался женский возглас, но слов было не разобрать.

Пес наострил уши, и тут же метнулся в сторону голоса, забыв про Сашу и его руку. Чтобы понять, куда убежала дворняга, юноша поднялся с лавочки и проводил взглядом удаляющийся к началу улицы собачий силуэт.

«А вот и хозяин, – подумал Саша, направившись в ту же сторону. – Точнее, хозяйка».

Продвигаясь дальше по деревне, он ненароком вспомнил себя маленьким, мчащимся на велосипеде по грунтовой дороге. На таких же, как и у его дома лавочках, сидели старики и умиленно наблюдали за ним. Многие из них угощали его сладостями или приглашали в дом и кормили его обедом, хотя до бабушкиного дома было всего несколько десятков метров. Их лиц Саша уже не помнил. А общий вид домов, выцветших и с заросшими тропинками говорил, что вряд ли ему суждено увидеть их снова. Ведь и у них где-то есть внуки, рассуждал парень, перешагивая через неглубокую канаву, проходящую вдоль края всей улицы. Давно ли они здесь были? Помнят ли деревню, этот дом? Придут ли когда-нибудь, чтобы вспомнить былое, как он сам?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.